

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В РОССИИ: К МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА

Р.Ф. Туровский

ВВЕДЕНИЕ

Региональные политические исследования даже в условиях централизации власти остаются распространенным направлением отечественной политической науки хотя бы в силу размеров нашего государства и обилия региональных политологических школ, объект исследования которых находится буквально под боком. В то же время сохраняется потребность в дальнейшей разработке теоретико-методологических основ подобных исследований. Довольно часто они посвящены рассмотрению какого-либо вопроса “на примере отдельно взятой территории”. Реже встречаются работы сравнительного характера, дефицит которых ощущается до сих пор. Отдельно существует рынок сугубо прикладных, заказных исследований. Для региональных политических исследований в России характерны две крайности. Одна из них — это гиперэмпиризм, описательность, хаотичность, обилие фактуры, значительную часть которой невозможно поместить в методологические рамки. Другая — обобщения, основанные на хороших теориях, но не всегда применимые к российским практикам, а потому обесценивающиеся при соприкосновении с политической реальностью, нередко — при малейшем политико-историческом изменении, например, в связи с трансформациями 2000-х годов.

Исследования регионов могут быть организованы на основе двух проблемных полей: во-первых, региональных политических систем и режимов и, во-вторых, региональных элит. В настоящей работе мы сосредоточим внимание на проблематике региональных политических режимов, которая может казаться очевидной всем, кто с ней соприкасается, но которая нуждается в осмыслении и переосмыслении, чтобы занять достойное место в структуре политической науки. Для этого нужно решить ряд важных задач — провести параметризацию региональных политических режимов (превратить их в полную и операциональную совокупность определенных характеристик), усилить сравнительные кроссрегиональные исследования (а затем и кросснациональные, основанные на сравнении регионов различных государств), свести к минимуму ограничения, связанные с закрытостью, непубличностью политических процессов, дефицитом информации, неполнотой и искажением экспертных знаний.

Г.О’Доннелл и Ф.Шмиттер понимают политический режим как совокупность явных и скрытых моделей, которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристик акторов и используемых ими стратегий [O’Donnell et al 1986: 73]. В определении А.Соловьева режим — это совокупность наиболее типичных методов фун-

кционирования основных институтов власти, используемых ими ресурсов и способов принуждения, которые оформляют и структурируют реальный процесс взаимодействия государства и общества [Соловьев 2000: 239]. В.Гельман, выделяя в качестве главных независимых переменных акторов, институты, ресурсы и стратегии, определил политический режим как “совокупность акторов политического процесса, институтов политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение или удержание власти” [Россия регионов... 2000: 19-20; см. также Гельман 1996].

Все эти определения похожи друг на друга. Акцент в них сделан на политических акторах и их взаимодействии, в результате которого происходит структурирование властных отношений. Это структурирование лишь отчасти соответствует формальному институциональному дизайну, оно может происходить вне установленных законом рамок или даже с их нарушением. Коротко формулируя понимание политического режима, которое используется автором данной работы, определим политический режим как существующую на определенной территории взаимосвязанную совокупность политических акторов (с их методами властвования, ресурсами, целями и стратегиями) и институтов (понимаемых и как организации, и как нормы, правила игры). Отталкиваясь от такого понимания политического режима, в дальнейшем можно проводить идентификацию определенных политических режимов (национальных, региональных, локальных), устанавливать их индивидуальность и осуществлять классификацию.

РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

78

Введение понятия региональных политических режимов стало новацией российской науки. Закономерна и дискуссия о правомерности использования этого понятия. Важнейшей проблемой является автономия региональных политических режимов, поскольку очевидно, что сохраняющееся, несмотря на глобализацию и размывание суверенитетов, деление политического пространства на государства с их национальными политическими режимами не оставляет необходимого места для формирования обособленных региональных политических режимов. Даже в федеративных государствах общенациональные стандарты доминируют над региональными различиями.

Можно избежать проблемы автономии и реального своеобразия регионального политического режима, пойдя по пути радикальной индивидуализации, т.е. связав политический режим с конкретной, а потому уникальной *по определению* территорией и с персонифицированными акторами. Однако это не решает проблему, поскольку будет исследованием не регионального политического режима, а национального политического режима на примере определенной территории. Отсюда и важный вопрос о степени разнообразия или, как говорит В.Нечаев, дивергенции региональных политических режимов [Нечаев 2000].

Целесообразно исходить из фундаментальной особенности структурирования глобального политического пространства с его делением на государства с их политическими системами и режимами, общими характеристиками институционального дизайна, демократии и т.п. Это не отрицает формирования региональных политических режимов, поскольку структура межакторного политического взаимодействия и связанного с ним распределения власти не будет полностью идентичной на всех территориях данно-

го государства. Конечно, эти различия не будут фундаментальными, но как раз *малые субнациональные различия*, различия “второго порядка” и составляют предметное поле политической регионалистики.

Существующая практика изучения политических режимов в значительной мере связана с вопросами функционирования демократии. В рамках “классического” подхода дивергенция региональных политических режимов определяется по шкале “больше – меньше демократии”. Самой простой является минималистская концепция, в соответствии с которой режим может быть или демократическим, или авторитарным. С минималистской концепцией во многом связана популярная в 1990-е годы “теория” регионального авторитаризма в России. Она объясняла реальное или кажущееся отсутствие синхронности в процессах демократизации на федеральном и региональном уровнях. Федеральный центр, где, как принято считать, у власти находились *демократы*, воспринимался как главный инициатор демократизации, а регионы – как косная, консервативная, сопротивляющаяся среда, *зараженная* советским авторитаризмом. Причинами регионального консерватизма и авторитаризма виделись незначительная ротация властной элиты в регионах, сохранение кадров советской номенклатуры, неразвитость гражданского общества и т.п.

Минималистский подход и “теория регионального авторитаризма” не подходят для объяснения политических процессов даже в 1990-е годы. Оглядываясь назад, невозможно не пересмотреть точку зрения, в соответствии с которой федеральная власть воспринималась в качестве инициатора демократического развития. Правы те авторы, которые считают важнейшим при оценке демократии вопрос степени, говорят о континууме состояний между “чистой демократией” и “чистым авторитаризмом”.

Развитие получили оценки демократичности российских регионов, из которых наибольшую известность имеют разработки Московского центра Карнеги (Н.Петров, А.Титков). Проводимая этими авторами работа основана на оценках двух типов, экспертных и инструментальных. Экспертная оценка базируется на балльных показателях демократичности по 10 критериям – региональное политическое устройство, открытость/закрытость политической жизни, демократичность выборов, политический плюрализм, независимые СМИ, коррупция, экономическая либерализация, включая приватизацию, гражданское общество, политические элиты (качество, воспроизводство/сменяемость), местное самоуправление. Инструментальная оценка призвана “очистить” исследование от субъективизма и недостаточной информированности экспертов и рассчитывается с учетом характера выборов и электорального поведения. В нее включены 11 критериев: участие в думских и президентских выборах; участие в выборах главы исполнительной власти региона; конкурентность выборов в Госдуму по партийным спискам, измеряемая эффективным числом партий; конкурентность на губернаторских выборах, измеряемая эффективным числом кандидатов; конкурентность на губернаторских выборах, измеряемая по отрыву победителя; сменяемость глав регионов на выборах; голосование “против всех” на выборах главы региона; голосование “против всех” на выборах в Госдуму по партийным спискам и на выборах президента России; голосование “против всех” на выборах в Госдуму по одномандатным округам; нарушения на региональных выборах; нарушения на федеральных выборах в регионе [Петров 2005].

Попытки “замера” демократии в российских регионах связаны с желанием различных ученых, обычно — активных сторонников демократизации, определить, в какой степени демократия пустила корни на региональном уровне. Однако подобные исследования страдают рядом недостатков. Во-первых, на выходе они дают амплитуду межрегиональных различий, которая кажется чрезмерной при сопоставлении с общими режимными характеристиками, что позволяет поставить фундаментальный вопрос о точке отсчета и масштабе оценивания. Во-вторых, метод экспертных оценок, будучи, несомненно, самым доступным, имеет здесь ограниченную ценность, поскольку дает больше информации не о регионах, а об экспертных знаниях и стереотипах в рамках используемой выборки экспертов. Больше перспектив имеют исследования региональных политических режимов, которые основаны на использовании критериев, отбор которых фундаментален, т.е. определяется политологическими концепциями власти, политического режима, демократии, разделения властей и т.п.

Одной из подобных попыток является работа А.Кузьмина, Н.Мелвина и В.Нечаева, основанная на изучении операционального набора функций и методов властвования [Кузьмин, Мелвин, Нечаев 2002]. Проведенная в этой работе типологизация региональных политических режимов второй половины 1990-х годов позволила выявить 8 типов для 31 региона (в рамках некоторых типов определены и подтипы). В типологии было задействовано небольшое число фундаментальных критериев, а именно — распределение полномочий между исполнительной и законодательной властью (дифференциация между сильными и слабыми легислатурами), конкурентность выборов главы исполнительной власти (число эффективных кандидатов) и уровень партийности региональной легислатуры (доля партийных депутатов).

Типологизация региональных политических режимов является одной из важнейших целей кроссрегиональных исследований. Проведенные ранее типологии носили экспериментальный характер, что признавали их авторы (не говоря о том, что они проводились до отмены губернаторских выборов и укрепления властной вертикали). Например, в случае типологии А.Кузьмина, Н.Мелвина и В.Нечаева мы видим чрезмерно большое число типов, что, как и в случае исследований демократичности российских регионов, напоминает о проблеме аберрации межрегиональных различий и выявления реальной степени субнационального политического разнообразия. Также обращает на себя внимание изменчивость региональных политических режимов во времени, привязанная к политической конъюнктуре. Например, в указанном исследовании два новых типа политических режимов, из-за которых их общее число выросло с шести до восьми, были обнаружены просто по итогам очередных губернаторских выборов. Отсюда — проблема фундаментальности критериев межрегиональных различий.

Другое направление исследования региональных политических режимов связано с именем В.Гельмана. В одном случае этот автор рассматривал преимущественно формальные аспекты функционирования регионального политического режима, сопряженные с отношениями между исполнительной и законодательной властью. На региональный уровень были спроецированы подходы, применяемые к государствам и общенациональной власти, в т.ч. модель М.Шугарта и Д.Кэри. Были поставлены фундаментальные вопросы: “Кто и в какой степени контролирует состав кабинета — ассамблея или глава региона?” и “Возможно ли сосуще-

ствование кабинета и ассамблеи в условиях взаимного недоверия?». По мнению В.Гельмана, комбинация ответов на эти вопросы служит основой для классификации четырех идеальных типов разделения властей: президентский (всенародные выборы главы региона, определяющего состав кабинета и имеющего широкие нормотворческие полномочия); президентско-парламентский (всенародные выборы главы региона, располагающего широкими нормотворческими полномочиями, определяющего состав кабинета с полного или частичного согласия ассамблеи и в ряде случаев имеющего право роспуска ассамблеи при вынесении ею недоверия кабинету); премьер-президентский (всенародные выборы главы региона, обладающего широкими нормотворческими полномочиями при подотчетности кабинета ассамблее); парламентский (глава региона независимо от характера избрания весьма ограничен в своих полномочиях, а кабинет подотчетен ассамблее). В.Гельман также подразделил региональные ассамблеи на доминирующие (независимые от кабинета и жестко его контролирурующие), автономные (контролирующие нормотворческий процесс, но не имеющие возможностей для свержения кабинета), ограниченно автономные (в них контроль кабинета обеспечивается большинством ассамблеи), подчиненные (не обладающие возможностями контроля над кабинетом, но подчиненные исполнительной власти не полностью) и, наконец, полностью подчиненные. Изученные В.Гельманом восемь субъектов федерации распределились по различным ячейкам составленной им таблицы в зависимости от сочетания типа разделения властей и типа ассамблеи [Гельман 1998].

Определение характеристик режима, их применение к субъектам федерации и деление регионов на типы является наиболее операциональной исследовательской стратегией. Проблема заключается в подборе этих характеристик, а также в трансформации российского политического режима. Упомянутое исследование В.Гельмана показало, что реальное число пересечений типа разделения властей и типа ассамблеи гораздо меньше теоретически возможного. Причем это было в 1990-е годы, а в 2000-е годы разнообразие вариантов еще более сократилось.

Относительное разнообразие региональных политических режимов по критериям их формального институционального дизайна складывалось в ельцинскую эпоху в отсутствие федерального закона, регулирующего организацию региональной государственной власти. После появления этого закона в конце 1999 г. унификация увеличилась. Например, исчезла создававшая видимость разнообразия последняя парламентская республика – Удмуртия, поскольку российский закон не позволяет создание парламентских республик. Соответственно, формальные отношения между ветвями власти в 2000-е годы определяются только степенью влияния ассамблеи на формирование и функционирование исполнительной власти, которая в упрощенном виде может рассматриваться как значимая и незначимая.

Исследования региональных политических режимов в 1990-е годы в значительной мере посвящены особенностям отношений между двумя ветвями региональной государственной власти. Это неудивительно, поскольку данная проблематика заняла большое место в изучении политических трансформаций России 1990-х годов, а ее проецирование на региональный уровень явилось продолжением общенациональных исследований. Однако разделение властей на региональном уровне не просто является стандартным, но еще и далеко не полностью характеризует региональный политический режим, как структуру властных отношений.

Закономерными стали попытки ввести в предметное поле исследований региональные элиты, т.е. значимых в российских условиях политических акторов, объединенных в группы влияния, клиентелы и т.п. В.Гельман обозначил четыре сценария выхода из неопределенности в условиях общественной трансформации — “война всех против всех”, “борьба по правилам”, “сообщество элит” и “победитель получает все” [Россия регионов... 2000: 43-44; Гельман 1999]. По сути их можно рассматривать и как сценарии взаимодействия элитных акторов; не случайно некоторые авторы стали использовать эту классификацию в качестве одной из типологий региональных политических режимов (более того, эта типология, которая рассматривалась в связи с переходными процессами, оказалась весьма устойчивой, фундаментальной, а сами переходные процессы приобрели в России иное качество). В данном случае акцент сделан на характеристике политического процесса и особенностях внутриэлитных отношений, т.е. на совершенно иной характеристике политического режима, нежели формальное разделение властей.

В условиях российской политики, где элиты являются доминирующими политическими акторами, контролируя и подчиняя властные институты и общество, подход “от элит” и “от элитных правил игры” открывает большие возможности для исследования региональных политических режимов и выявления их различий. В частности, этот подход позволяет ставить типичный и, кстати, весьма непростой вопрос о числе доминирующих политических акторов, о том, равно ли оно единице, или все-таки больше. Это один из наиболее сложных и спорных вопросов российского политического анализа: следует ли сводить режим к одному “ключевому” актору с его “филиалами”, субгруппами, ответвлениями (отсюда признание моноцентризма политического режима в России [см. Зудин 2003: 67-83]), или же межакторные связи и взаимозависимости не столь сильны, и власть распределена между двумя и более группами¹. Иными словами, что важнее: консолидация или дифференциация властвующей элиты. Думается, что это соотношение изменчиво во времени и пространстве, что влечет за собой разнообразие региональных политических режимов. Да и на федеральном уровне этот вопрос стал одним из ключевых после передачи президентской власти от В.Путина к Д.Медведеву.

Пик исследований региональных политических режимов пришелся в России на вторую половину 1990-х — начало 2000-х годов. Прежние исследования основывались на признании факта значительной автономии региональных политических режимов в отношении общенационального режима, как следствии парада суверенитетов и слабого централизованного контроля в ельцинский период. Законодательство давало регионам большее пространство для выбора собственных модификаций институционального дизайна, в т.ч. отношений между ветвями власти и организации местного самоуправления. Крупной новацией были губернаторские выборы. В 2000-е годы укрепление властной вертикали и унификация российского законодательства прямо и сильно повлияли на раз-

¹ Когда В.Гельман выдвигает тезис о “навязанном консенсусе”, многое встает на свои места. Действительно, консенсус элит имеет тактический и прагматический характер, не отменяя их разнородность и дифференцированность. Это особенно заметно в регионах, элиты которых сложились в разных исторических обстоятельствах, но все вынуждены подчиняться Центру при решении ключевых вопросов.

витие региональных политических режимов, что требует разработки новой теоретико-методологической базы. Примечательно, что *вызовы централизации* за последние несколько лет привели к фактическому исчезновению концептуальных разработок, посвященных региональным политическим режимам.

Отвечая на эти *вызовы*, следует согласиться с тем, что региональный политический режим не представляет собой совершенно новое и отдельное политическое явление и, стало быть, внутривостановые различия ограничены. Региональный политический режим целесообразно рассматривать как территориальный уровень общенационального политического режима, для которого могут быть характерны свои структуры и методы распределения и реализации власти, в той или иной (но всегда – разной) мере отвечающие общенациональным характеристикам. Полезной может быть концепция территориально-политических уровней, предложенная ранее [Туровский 2006].

При таком подходе неизбежно сохраняются проблемы автономии региональных политических режимов и их дивергенции, степени и характера межрегиональных различий. Элиминировать влияние этих проблем невозможно и не нужно, поскольку такова фундаментальная специфика субнациональных политических исследований. В настоящих условиях анализ региональных политических режимов должен проводиться при учете их существенно усилившейся зависимости от федерального уровня. Принятие в 1999 г. закона об общих принципах организации региональной власти и дальнейшее внесение поправок в этот закон свели к минимуму поле для региональных экспериментов с формально-правовой организацией государственной власти. Закон о местном самоуправлении 2003 г. и дальнейший ход муниципальной реформы привели к стандартизации местного уровня власти. Наряду с автономией сократилась и дивергенция региональных политических режимов, если оценивать ее с позиции формальной организации региональной и местной власти. Нынешняя централизация ставит исследователя перед “проблемой второго шага”, перехода от формально-правового подхода, основанного на анализе законодательства, к изучению неформальных практик, характера распределения власти, структурирования акторов, деления элиты на группы влияния.

РЕЖИМЫ НА ОСИ “МОНОПОЛИЯ – ОЛИГОПОЛИЯ” (“КОНСОЛИДАЦИЯ – КОНКУРЕНЦИЯ”)

Стартовой позицией для изучения региональных политических режимов по-прежнему должен оставаться формальный институциональный дизайн. Исходной точкой отчета может быть губернаторский моноцентризм, поскольку по закону глава исполнительной власти является высшим должностным лицом субъекта федерации. В такой системе координат межрегиональные различия можно начинать определять через выявление фактической автономии в отношениях с губернаторами иных региональных властных институтов. Но при этом с самого начала необходимо ставить вопрос о наблюдаемой в данном регионе на протяжении достаточного длительного периода практике политических решений, принимаемых органами власти в рамках своих полномочий и в отношении друг друга. Изучение этой практики позволит понять реальную структуру властных отношений.

В части исследования автономии законодательной власти от исполнительной главный интерес представляет анализ развития и эффективности парла-

ментского контроля над исполнительной властью, а также самостоятельности легислатур при принятии ими решений. В случае парламентского контроля главными параметрами являются формальные возможности и реальная практика таких процедур, как утверждение депутатами предложенного президентом губернатора, вотум недоверия губернатору, утверждение главы и членов регионального правительства (если оно предусмотрено региональным законодательством), преодоление губернаторского вето на принятые законы, создание и деятельность контрольно-счетной палаты и др.² Самостоятельность легислатуры определяется через исследование практик разработки законов (кто является разработчиком, исполнительная власть или сами депутаты) и их принятия (голосование за самостоятельно разработанные законы). Со стороны губернатора признаками размежевания с законодательной властью могут быть попытки роспуска легислатуры и применения *вето* на принимаемые ею законы.

Более сложная и приближенная к реальности структура регионального политического режима должна учитывать отношения между уровнями власти, представленными на территории региона. Следует принимать во внимание три региональных территориально-политических уровня (собственно региональная власть, местное самоуправление, федеральные структуры на территории региона) и региональное представительство на федеральном уровне. Отношения между этими уровнями позволяют включить в исследование регионального политического режима еще три направления, помимо отношений между ветвями власти.

84 При этом возникает еще одна тема, не менее важная, чем разделение властей. Это — автономия местной власти, которая определяется как в целом для региона, так и по отдельным, прежде всего — крупным, значимым для регионального политического процесса муниципальным образованиям. Критериями при оценке могут быть, во-первых, особенности формирования местной власти и, прежде всего, — соотношение всенародных выборов глав муниципальных образований и других способов, которые, как правило, выгодны губернаторам. Интерес представляет вмешательство губернаторов в процесс назначения сити-менеджеров и проведение муниципальных выборов. Во-вторых, важны определяемые законом контроль и санкции в отношении местной власти со стороны власти региональной (отстранение от должности глав муниципальных образований, роспуск местных собраний, введение временной финансовой администрации). В-третьих, характеристикой силы и автономии местной власти является принятое в данном регионе уточнение ее полномочий в рамках тех возможностей по распределению полномочий между государственной и местной властью, которые позволены законодательством (например, по такому важному вопросу, как земельный). В-четвертых, фактическая автономия органов местного самоуправления зависит от их финансовой самостоятельности (отсюда важность таких критериев, как распределение налоговых поступлений между регионом и муниципальными образованиями, степень зависимости последних от региональной финансовой помощи, манипуляции с объемом последней для разных муниципальных образований).

² При этом следует учитывать как сам факт применения процедуры, так и результат с точки зрения не только положительного или отрицательного голосования, но и соотношения голосов.

Следующим структурным элементом регионального политического режима являются отношения между региональной властью и федеральными структурами на территории региона. Наиболее важные из этих структур (полпреды и главные федеральные инспектора, прокуратура, органы внутренних дел, ФСБ, судебная власть) следует рассматривать, в первую очередь, на предмет их аффилированности с губернаторами. Условная шкала может выглядеть следующим образом: наличие аффилированности с губернаторами, наличие аффилированности с другими центрами власти в регионе, автономия в отношении региональных групп влияния с ориентацией на центр в целом и/или на определенные федеральные группы влияния. Тема эта непростая в силу невысокой публичности подобных структур и их формальной независимости от губернаторов, куда большей, чем формальная независимость местного самоуправления. Определить или предположить аффилированность формальными методами можно путем анализа направленности публичных действий и решений, таких как расследование уголовных дел против тех или иных чиновников силовыми и судебными органами и их результаты, позиция полпредов при назначении губернаторов³ и пр. Важна публичная позиция региональной власти при назначении руководителей федеральных служб, тем более что в ряде случаев закон предполагает ее формальное решение (например, для прокуратуры). Во-вторых, предметом исследования может стать характер политической активности федеральных структур. Здесь оценка конкретной ситуации дается по шкале “пассивное наблюдение — функциональная деятельность в рамках установленных полномочий — активное вмешательство в политический процесс с помощью действий и публичных заявлений — формирование собственной группы влияния”. Критериями оценки служат степень и направленность публичной активности федеральных чиновников, продвижение выходцев из федеральных органов в структуры региональной власти. В-третьих, важным, хотя и не очень точным критерием является географическое происхождение руководителей федеральных служб, т.е. местный он или нет, а если местный, то в какой мере его биография пересекается, например, с биографией регионального руководителя.

Наконец, четвертый структурный элемент формируют отношения между региональной властью и представителями региона в центре. Это — официальные представители (члены Совета Федерации), фактические представители в парламенте (депутаты Госдумы, избранные по региональным партийным спискам), выходцы из региона в других структурах федеральной власти — президентских, правительственных, судебных (потенциальные контрагенты и лоббисты). Как и в случае с “федералами” в регионе, во-первых, важны свидетельства аффилированности региональных представителей с губернатором (есть она или ее нет, если ее нет, то существуют ли признаки аффилированности с другими региональными группами влияния, или актор ориентирован на центр и, возможно, является представителем, а может быть и лидером федеральной группы влияния). Критериями аффилированности могут быть публичная поддержка, действия и решения региональных представителей в рамках их полномочий или неформальных согласований, пересечение биографий

³ Правда, в соответствии с новым законодательством полпреды будут лишены официальной роли в процедуре назначения губернаторов.

и факты совместной работы (например, в региональной администрации) и др. Во-вторых, поскольку основная профессиональная деятельность такого актора протекает вне региона, важно определить его активность, т.е. характер и степень его вмешательства в процесс принятия политических решений, касающихся региона или принимаемых непосредственно в регионе. В-третьих, немаловажным критерием является географическое происхождение. Поскольку речь идет о представительстве региона в парламенте, важно определить, является ли оно “подлинным”, или же этот представитель с регионом не связан (а если так, то насколько он активен в продвижении региональных интересов при выдвижении законодательной инициативы, разработке проектов нормативных актов и других федеральных решений, других лоббистских усилиях).

Рассмотрение четырех указанных сюжетов позволяет уточнить структурную дифференциацию власти в регионе. Отчасти она будет задана теми, пусть и довольно узкими рамками межрегиональных различий, которые позволяет федеральное законодательство (например, утверждение правительственных чиновников депутатами или модель местного самоуправления). Отчасти — региональными практиками реализации установленных законом возможностей (например, санкции в отношении местной власти). Отчасти — структурой элиты и отношениями между элитными группами, так или иначе представленными в органах власти.

Изучение всех этих вопросов дает возможность позиционировать региональный политический режим на оси “монополия — олигополия” (или “консолидация — конкуренция”). Монополия в данном случае означает концентрацию власти в руках губернатора, осуществляющего контроль над законодательной властью, местным самоуправлением, федеральными структурами в регионе и региональными представителями в центре. Олигополия подразумевает наличие автономных в отношениях с губернатором центров власти, как самостоятельных в региональном масштабе, так и подконтрольных федеральным структурам, и базирующихся, например, в законодательном собрании, крупных муниципальных образованиях, органах федеральной власти. Наличие таких центров власти может быть установлено путем изучения практики принятия политических решений, не связанных с интересами губернатора или противоречащих таковым. Со стороны губернатора могут быть выявлены попытки устранения этих центров власти или направленные против них публичные заявления.

Существующие в России региональные политические режимы сильно деформированы в сторону губернаторской монополии. Однако она ограничена, как минимум, развитием системы независимых от губернаторов федеральных структур. Централизация, сопутствующее ей развитие федерального контроля и кадровая ротация в федеральных структурах привели не к снижению, а к росту межрегиональных различий⁴. В этой связи автор ранее гово-

⁴ В условиях централизации *фактор Центра* стал важнейшим дифференцирующим началом. Он играет двоякую роль, ведет не только к формальной унификации отношений “центр — регионы”, но и к разному структурированию власти в зависимости от отношений между федеральными и региональными акторами. Выросло число региональных акторов, связанных с центром и федеральными группами влияния. В процессе взаимодействия с центром стали более автономными от регионального начальства думские депутаты и сенаторы. Федеральное руководство “Единой России” стремится сделать подконтрольными себе и более самостоятельными в отношениях с губернаторами свои региональные организации. Возникает множество вертикальных клиентел, на которые губернаторы не в состоянии повлиять.

рил об ограниченном моноцентризме региональных политических режимов. Правда, “федералы” не всегда активно задействованы в региональном политическом процессе (поэтому мы и ввели оценку их активности).

До сих пор мы рассматривали особенности институционализированной властной монополии или олигополии, опираясь на анализ отношений между основными властными институтами. Однако, в условиях доминирования неформальных практик, большой роли неинституционализированных или слабо институционализированных межакторных взаимодействий следует еще внимательнее присмотреться к структурной дифференциации власти в регионах, которая имеет несколько иной характер в сравнении с формальным институциональным дизайном. Для российских условий типична *коалиционность групп влияния*, “спрятанная” под оболочкой *моноцентризма* и *доминантной партии*. На глубинном уровне это объясняется разрушением традиционных социальных институтов, которые в прошлом способствовали объединению (община, семья, клан), деградацией идеологий, индивидуализмом и эгоизмом политических акторов, что обычно влечет за собой стремление к *власти ради власти*, ее удержанию любой ценой. С другой стороны, постсоветский политический процесс, который так и не стал процессом демократического транзита, дал начало формированию обновленного правящего класса, общим корпоративным интересом которого является внутренняя консолидация для самосохранения. Равнодействующей двух указанных тенденций дифференциации и интеграции становится развитие внутренне неоднородных доминирующих или стремящихся к доминированию акторов, структура и состав которых могут претерпевать изменения. При таком подходе основными структурными единицами регионального политического режима будут не столько формальные акторы, ассоциируемые с властными органами, сколько группы влияния с их различным представительством в разнообразных властных институтах.

Итак, в качестве субъектов политической конкуренции в зависимости от *угла зрения* исследователя могут рассматриваться политические образования трех типов – органы власти, партии, группы влияния. После достижения определенности в отношениях между ветвями и уровнями власти следующей и конечной целью исследования регионального политического режима для его позиционирования на оси “монополия – олигополия” (“консолидация – конкуренция”) становится определение количества относительно самостоятельных и относительно значимых акторов. Обычным упрощением является персонализация коллективных элитных акторов, которые ассоциируются с определенными политическими лидерами, начиная с того же губернатора. Учитывая персонализированный, квазимонархический и иерархический характер политических отношений в России, это оправдано, хотя из этого правила возможны исключения, да и степень реального влияния лидера в своей группе может быть очень разной.

Значимость региональных политических акторов поддается шкалированию, т.е. существуют акторы разного уровня (порядка). Несомненно, актором первого порядка является губернаторская группа влияния и нередко – только она. Однако было бы правильным рассмотреть на этом же уровне акторов, приближающихся по степени своего влияния к губернаторам и их клиентам. Критерием для их выделения является регулярное влияние на про-

цесс принятия политических решений регионального уровня (принятие решений, противоречащих интересам губернатора; способность повлиять на решение губернатора и/или обеспечить компромисс своих и губернаторских интересов; успешное продвижение собственных решений, с которыми считается или вынужден считаться губернатор). В нынешних условиях на этот уровень могут выходить группы влияния, связанные с ФПГ федерального уровня, федеральными властными структурами (полпреды, силовики и т.п.), крупными политиками федерального уровня, имеющими региональные корни.

Акторы второго порядка оказывают эпизодическое влияние на принятие решений регионального уровня, постоянное влияние на принятие решений местного уровня (в крупных муниципальных образованиях), или же они способны к продолжительному автономному существованию в оппозиции. Таковыми акторами могут быть неформальные фракции в региональном правительстве (если оно фактически имеет коалиционный характер), фракции и неформальные группы в легислатуре, доминирующие акторы в крупных и обособленных муниципальных образованиях, федеральные чиновники в регионе, группы давления, в т.ч. имеющие этническую или религиозную природу.

Анализ акторов первого и второго порядка важен для того, чтобы установить степень консолидации регионального политического режима и проводить на этой основе классификации. Идеально-типическая монополия характеризуется наличием только одного актора первого порядка и отсутствием акторов второго порядка. В случае идеально-типической олигополии акторов первого порядка будет как минимум два, не говоря уже о нескольких акторах второго порядка. В российских регионах преобладают промежуточные ситуации, в которых наличие одного актора первого порядка сочетается с присутствием некоторого числа акторов второго порядка. Поэтому на практике важным дифференцирующим фактором оказывается число акторов второго порядка.

Акторами третьего порядка могут считаться группы, представленные во власти, но не способные повлиять на принятие решений регионального уровня. Это, прежде всего, – мелкие фракции в региональных легислатурах, группы влияния из небольших муниципальных образований. Такие акторы есть повсеместно. Акторы четвертого порядка не представлены в региональной власти, и в лучшем случае представлены во властных структурах мелких муниципальных образований.

Более сложной задачей в сравнении с определением уровня влияния акторов является определение самой структуры правящего класса, его деление на группы *коллективных акторов*. Эта структура в прикладных исследованиях носит авторский характер, зависит от точки зрения эксперта. Нужно стремиться к возможно более четкой параметризации подобного структурирования. Главным критерием для различения групп влияния может быть оценка их самодостаточности, которая понимается, как наличие собственной ресурсной базы (статусные властные позиции, клиента из значимых персоналий, связи в бизнесе, СМИ и пр.). Основным консолидирующим фактором служит общность интересов, с чем связана важная и не такая простая, как иногда кажется, задача по идентификации объединяющих интересов, которые могут иметь самую разную природу и характер (нередко – скрытый, не исключено, что и противозаконный). В то же время именно общность интересов

определяет устойчивость групп влияния⁵, и практика показывает, что даже монолитные группы могут “неожиданно” распасться в случае исчезновения этого ключевого условия.

Наряду с типологизацией режимов по данной оси необходимы, конечно, исследования конкретных регионов, где структура властных отношений обретает уникальный характер. Ее выявление обычно основано на синтезе экспертных оценок, но в таком случае исследователь оказывается в заложниках у стереотипных представлений, не всегда верных и точных знаний об интересах игроков, характере и эмоциональной насыщенности связей между ними. Научное исследование нуждается в организации постоянных наблюдений за региональным политическим процессом. И здесь для политической науки не так уж принципиально владение инсайдерской информацией. *Главной единицей информации*, которая нужна исследователю, служит *публичное политическое действие* (решение). Ядрами групп влияния являются публичные инициаторы и предполагаемые интересанты этих действий и решений. Поддержка политических действий (решений), в т.ч. в таких ее формах, как голосование, а также конкуренция на выборах должностных лиц и определяют основу структурной дифференциации власти.

Определяя структуру властных отношений, мы можем идти по пути индукции или дедукции. Метод дедукции исходит из анализа биографий и других личных данных и, соответственно, принадлежности индивидуальных акторов к “очевидным” группам влияния, таким как региональное правительство (его бывшие и нынешние сотрудники), ФПГ, партии. Однако, этот метод, являясь полезным для определения ситуации в “первом приближении”, не позволяет установить всю реальную картину. Индукция дает возможность для постепенного выстраивания этой картины на основе анализа властных решений, их обсуждений и связанных с ними голосований и, соответственно, определения выигравших, проигравших и нейтральных акторов. Такой анализ нередко нарушает стереотипные представления о группах и “кланах”, основанные на презумпции их устойчивости, определенной *a priori* биографическими связями, расхожими представлениями о личной “дружбе” и “вражде” (хотя он не отрицает важности выявления отношений между индивидуальными акторами, основанного на “генетических” связях, вытекающих из биографического анализа, и экспертных оценок, базирующихся на знании непубличного взаимодействия). О структурировании политических отношений свидетельствует также электоральная конкуренция, процессы предварительного обсуждения, выдвижения кандидатов, их участия в выборах, представляющие собой “момент истины” для региональной элиты.

Ось “ЦЕНТР – РЕГИОНЫ” (“АВТОНОМИЯ – ЗАВИСИМОСТЬ”)

Перейдем к рассмотрению оси “центр – регионы” (“автономия – зависимость”). По этой оси определяется реальная автономия региональных поли-

⁵ Проблематика групп влияния тесно связана с важной для России темой клиентелизма, поскольку внутри этих групп обычно складываются патронажно-клиентельные отношения. Интересны основы клиентелистской консолидации групп влияния, которые могут быть рациональными (конъюнктурное или долгосрочное совпадение политических или экономических интересов, политическая и/или финансовая зависимость клиентов от своих патронов) или эмоциональными (отношения доверия и общие стереотипы поведения, основанные на дружбе, родственных связях, принадлежности к одному землячеству, этносу, религии и т.п.).

тических режимов, мера которой на деле сильно варьируется. Различия можно выявить путем анализа практики назначения федеральных государственных служащих (главные федеральные инспектора, прокуроры, начальники ГУВД, УФСБ и др.) в регионы. В случае ряда национальных республик, а также регионов с “сильными” губернаторами федеральные структуры по-прежнему остаются под контролем региональной власти, усиливая моноцентризм региональных политических режимов и их относительную автономию. В других регионах, напротив, существует практика внедрения ставленников федеральных групп влияния не только на федеральные должности, но и в органы региональной исполнительной власти, не говоря уже о назначении членов Совета Федерации и продвижении депутатов Госдумы. Эти практики характеризуют крайне низкий уровень региональной автономии (что характерно сейчас не только для бедных регионов Центральной России, но и для части автономных республик, нарушая стереотипные представления о региональных статусах).

Отношения по линии “центр – регион” (при хорошо выраженной формальной симметрии современной Российской Федерации) являются одной из важных характеристик регионального политического режима. Определяя эту характеристику, необходимо установить дифференциацию федеральной и региональной сфер непосредственно в регионе и в структурах регионального представительства в центре. Для этого следует ответить на ряд вопросов. Прежде всего, насколько развит федеральный контроль за властью данного региона, кто и как его осуществляет? Другой вопрос – насколько развито собственное представительство региона в центре (аналогичная оценка позиционирования)? Третий – географическое происхождение региональной власти, в какой мере она является местной, а в какой – пришлой (при этом интересна персона не только губернатора, но и других чиновников)? Наконец, крайне важным неполитическим критерием является степень финансовой зависимости региона от центра, определяющая условия и *степени свободы* деятельности региональной власти.

Ось “ДЕМОКРАТИЯ – АВТОРИТАРИЗМ”

Рассматривая различия между региональными политическими режимами, следует достичь большей определенности при их позиционировании на третьей – *классической* оси “демократия – авторитаризм”. Очевидно, что центром системы координат является общенациональный режим, и разброс по регионам не может быть велик. Конечно, российские регионы не делятся на *демократические* и *авторитарные* и в целом характеризуются смещением в сторону авторитаризма. Интерес общества к демократии тоже различается отнюдь не на порядок.

Оценка демократичности региональных политических режимов может быть систематически проведена по трем фундаментальным направлениям: насилия в политических практиках, “власть – оппозиция” и “власть – общество”.

Проблематика насилия очень важна для оценки соотношения демократических и авторитарных практик. С этой целью могут быть определены факты использования силовых структур и проверяющих органов в качестве политического инструмента, направленного для пресечения оппозиционной деятельности; нарушения и сознательного ограничения гражданских свобод – собраний, слова и др.; управления СМИ с целью недопущения соперников в информационное поле; дискредитации противников с использованием “черного пиара”.

Для направления “власть — оппозиция” важнейшим тестом на демократичность мог бы стать приход оппозиции к власти через выборы, в соответствии с канонами демократического транзита. Однако, в настоящее время, тем более в условиях отмены губернаторских выборов, реалистичность этого сценария близка к нулю. Возможности демократической смены власти в российских регионах сводятся к выборам региональных legislатур (где они также минимальны), глав местного самоуправления и местных представительных собраний (что ограниченным образом влияет на региональный режим в целом).

Более операциональным для современной России критерием являются пределы оппозиционности и оппозиционного влияния на процесс принятия решений. В одних случаях это — геттоизация оппозиции в пределах той или иной доли принадлежащих ей голосов, например, в представительном собрании, которых слишком мало, чтобы заблокировать принимаемые большинством решения. В других — компромиссная тактика властей, предполагающая учет мнения и инициатив оппозиции с целью выработки консенсусной позиции для повышения политической стабильности. При обычном доминировании “Единой России” в законодательных собраниях осуществляется выбор между тактикой “победитель получает все” и пакетным соглашением, которое предполагает предоставление некоторых должностей, обычно — второстепенных другим партиям (известная проблема выбора между мажоритарным и консенсусным правлением, которую наша *партия власти* в регионах решает сама и по-разному). Пределы самой оппозиционности зависят от тактики конкретных партий в отношениях с властями. В зависимости от голосования в законодательстве и других публичных действий и заявлений они могут колебаться в диапазоне между открытой оппозиционностью, достижением согласия и компромиссов по отдельным вопросам и фактической солидарностью с *партией власти*.

Необходим также учет положения внутриэлитной оппозиции, не институционализированной в партийной системе и нередко представляющей собой неформальные фракции в “Единой России” (изучение таких фракций становится очень важным по мере формирования партийной системы с *доминантной партией*). Здесь возможно использование тех же параметров, что и для отношений между ядром *партии власти* и оппозиционными партиями, о чем говорилось выше, но уже с целью выявления внутренних расколов в самой *партии власти*. Причем в случае внутриэлитной оппозиции возможной оказывается и смена верховной региональной власти в ее пользу — через механизм назначения губернаторов, связанные с ним публичные и непубличные процедуры федерального уровня, заменившие выборы.

Для направления “власть — общество” принципиальны два аспекта — возможности гражданского политического участия и публичность власти. Данное направление позволяет характеризовать политику в измерении “элитарность — массовость”, также очень важным для оценки демократии.

Оценка гражданского политического участия и его возможностей является непростой задачей. Явка на выборах в последние годы перестала служить подобным критерием, свидетельствуя скорее о мобилизационных возможностях авторитарных и полуавторитарных практик региональной власти. Скорее, одним из критериев, хотя и не вполне точным может быть соотношение голосов на выборах между “Единой Россией”, другими партиями, аффили-

рованными с властями (в т.ч. в политическом контексте данного региона, т.е. с учетом пределов оппозиционности, о которых говорилось выше) и оппозиционными партиями (опять же – в контексте данного региона). Этот критерий свидетельствует о степени развитии в регионе института партий, помимо “Единой России”, и о готовности общества за них голосовать. Наряду с голосованием граждан, которое, хоть и с оговорками, но ставит все по местам, следует учитывать формальную многопартийность в регионе – наличие партийных организаций, их численность, разветвленность местной партийной сети, разумеется, – представленность партий в региональной легислатуре, формат региональной партийной системы.

Помимо электоральных критериев и конфигурации региональной партийной системы интерес представляют количество и членская база общественных организаций, выступающих в роли групп давления. Для возможно более точной оценки гражданского политического участия партии и общественные организации, существующие в регионе, следует подвергнуть тестированию на предмет их элитарности, автономии от региональной власти, общественной (в т.ч. электоральной) поддержки. Важным критерием является также массовое политическое участие в виде демонстраций, митингов, пикетов, забастовок и других подобных акций.

Наряду с *количественными* и связанными с ними оценочными параметрами необходимо принимать во внимание развитие обратной связи власти с обществом. Следует понимать, в какой мере все эти организации, а также стихийные акции влияют на процесс принятия властных решений. Интерес представляет участие общественных организаций в деятельности общественных палат и иных совещательных органов, статус и влияние этих органов. Важно и то, как часто органы власти принимают решения, инициируемые снизу, общественными организациями и массовыми движениями.

Таким способом мы выходим на тему публичности власти в виде ее основных центров (органов), представленных в регионе. Для каждого из них может быть дана оценка по шкале “закрытость – открытость (наличие информационной политики, хотя бы в виде однонаправленного пиара) – действующая обратная связь”. В качестве механизмов обратной связи могут рассматриваться как консультативные органы, так и различные возможности, предоставляемые обществу (обращения граждан, личный прием и т.п.). Разумеется, и в этом случае нельзя обойтись без оценки эффективности процедур обратной связи власти и общества – рассмотрения инициатив и обращений, принятия на их основе решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование региональных политических режимов по трем осям “монополия – олигополия” (“консолидация – конкуренция”), “центр – регионы” (“автономия – зависимость”) и “демократия – авторитаризм” позволяет, на наш взгляд, давать наиболее точную характеристику изучаемым объектам, проводить их типологизацию, кроссрегиональные сравнения и индивидуальные исследования территорий, не оторванные от общей теории и практики. Смысл этих трех осей состоит в том, что ось “монополия – олигополия” (“консолидация – конкуренция”) демонстрирует акторную и организационную структуру властных отношений, ось “демократия – авторитаризм” – мето-

ды и способы властвования, ось “центр – регионы” (“автономия – зависимость”) – степень обособленности регионального политического режима от общенационального. Используемая нами параметризация еще может быть уточнена и дополнена. В заключение следует указать на ряд перспективных направлений, которые способны дополнить и развить эту проблематику, предложить новые измерения региональных политических режимов.

Во-первых, фундаментальным вопросом, который прямо связан с определением политического режима, является вопрос о целях и стратегиях акторов, которые воздействуют на структуру и устойчивость режима (в зависимости от текущего совпадения целей и результатов их достижения). В России мы привыкли опираться на своеобразную версию *теории рационального выбора*, предполагая, что стратегии акторов связаны с удержанием и/или приращением власти, понимаемой как самооценность. Соответственно, совпадение или несовпадение властных целей индивидов или малых групп при реализации своих стратегий структурирует режим, обеспечивает его воспроизводство или эрозию. Складывается ядро из системных групп, способных к коалиционной игре, тогда как “за бортом” остаются несистемные и антисистемные группы.

Такой привычный и кажущийся очевидным рационально-технологический анализ оставляет за рамками решение вопроса о смысле и целеполагании власти, о том, является ли она самоцелью или же инструментом для достижения различных целей. Не всегда ведь можно *рационально* объяснить “выход из игры” или “пассивность” актора. Поэтому важно двигаться по пути более точного выявления политических целей. Обычно они связаны с реализацией наличествующих на данной территории интересов, принимающих политические формы. В простейшей форме эти интересы могут быть сведены к *развитию* или *сохранению*, т.е. улучшению ситуации или выгодному статус-кво.

Идентификация интересов, с которыми напрямую связано функционирование региональных политических режимов, требует использование в ходе анализа экстраполитических переменных. Это – экономические цели, в соответствии с которыми “развитие” понимается, как улучшение социально-экономических показателей для разнородных заинтересованных субъектов – бюрократии, бизнес-структур, социальных слоев и групп, локальных сообществ, семей и кланов, отдельных персон (возможны цели как *общественного блага*, так и личного обогащения). Это – культурные цели, такие как сохранение языка, защита традиционных ценностей или продвижение новых культурных форм. С реализацией этих целей может быть связана деятельность различных этнических, конфессиональных, локальных групп давления и их представителей во власти. Для региональных политических режимов в России 2000-х годов характерно структурирование акторов вокруг экономических целей, связанных с перераспределением национального богатства с помощью властных ресурсов. Конкуренция усиливается в случае дефицита экономических ресурсов, ослабления бизнес-групп, деконцентрации собственности, а также “пробуждения” общества в борьбе за свои экономические интересы.

Во-вторых, немаловажен политико-исторический и культурно-идеологический контекст, в котором развиваются региональные политические режимы. Очевидно, что и российская политическая конъюнктура изменчива, если не в средне-, то хотя бы в долгосрочной перспективе. Понимание кон-

текста еще более важно для кросснациональных сравнений. Из него вытекает различная структура значимых политических интересов, а стало быть, политических субъектов с их генезисом, характером, “физической величиной” (общественные слои, элитные микрогруппы, отдельные персоны). Различаться и меняться могут нормы и правила, которые входят в понятие режима.

В-третьих, анализ региональных политических режимов должен выводить нас на определение механизма и способа принятия политических решений и функционирования политической сферы в целом. Политическая система не представляет собой абстрактную, безжизненную форму, в которой “роботы” выполняют свои функции. Концепции политических систем и режимов генетически связаны с теорией рационального выбора, рамки и представления которой являются слишком узкими. Излишняя априорная “рационализация” политического поведения недоучитывает проблему информированности политических акторов (отсюда неоправданная презумпция “гениальности” и “полной осведомленности” лиц, принимающих решения), влияние индивидуальных психологических факторов, культурных стереотипов, традиций. Принадлежность многих нынешних управленцев к старой советской школе, сложившейся в иных общественных реалиях (или к постсоветской школе периода первоначального накопления капитала), хронический дефицит точной информации и ограниченная компетентность самих акторов, слабость моральных и идеологических норм и установок, сочетание индивидуализма и авторитаризма сильно влияют на функционирование региональных политических режимов, дополняют механизм принятия решений мощной волюнтаристской составляющей и теневыми мотивами, расходящимися с законом. При определении нами исследовательской стратегии теория рационального выбора может казаться наиболее простым и ясным вариантом, но вряд ли она позволит ответить на все вопросы, возникающие при внимательном изучении предмета. Это значит, что полезными, каждый по-своему, могут оказаться как подходы, основанные на чистой эмпирике и индукции и восходящие к бихевиоризму, так и подходы, тяготеющие к неoinституционализму, акцентирующие роль политических институтов с учетом таких стимулов и ограничений, как идеологическая сфера, доступная акторам информация, исторические традиции, *path dependency* и т.п. [Нау 2002].

Завершая статью, хочется обратить внимание на тот факт, что Россия остается *малоисследованной политологами страной*. Региональный и локальный уровни дают исследователю огромный массив информации, пусть и с низким содержанием “полезного вещества”. Развивая, дополняя, апробируя концепцию региональных политических режимов, на наш взгляд, можно выйти на новое, более глубокое понимание российской политики в целом.

Гельман В. 1996. Региональные режимы: завершение трансформации? — *Свободная мысль*, № 9.

Гельман В. 1998. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики. — *Полис*, № 1.

Гельман В. 1999. Сообщество элит и пределы демократизации: Нижегородская область. — *Полис*, № 1.

Зудин А. 2003. Режим В.Путина: контуры новой политической системы. — *Общественные науки и современность*, № 2.

-
- Кузьмин А., Мелвин Н., Нечаев В. 2002. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации. — *Полис*, № 3.
- Нечаев В. 2000. Региональные политические системы в постсоветской России — *Pro et Contra*, том 5, № 1, зима.
- Петров Н. 2005. Демократичность регионов России. — *Брифинг Московского центра Карнеги*, т. 7, вып. 9, октябрь.
- Россия регионов: трансформация политических режимов*. 2000. Гельман В., Рыженков С., Бри М. (ред.). М.
- Соловьев А. 2000. *Политология: политическая теория, политические технологии*. М.
- Туровский Р. 2006. *Центр и регионы: проблемы политических отношений*. М.
- Hay C. 2002. *Political Analysis. A Critical Introduction*. Houndmills, N.Y.
- O'Donnell G., Schmitter Ph., Whitehead L. 1986. *Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy*. Baltimore, L.